

IMAGE OF MOTHER MARY IN CLASSICAL TURKISH LITERATURE

Image of Mother Mary has a special meaning in Islam. There is even a sura with such title in the Quran that demonstrates the high morality of the woman and her authority. According to the Quran, Mary was chosen by God. Despite the fact that she was poor, still among all women of the world she became the most respected one. Image of Mother Mary as the ideal woman in classical Turkish poetry appears in different guises with significant emphases on her greatest virtues such as chastity, modesty and sacrifice to prayer. Besides, Mary appears as the mother of Jesus. The writers have often emphasized on how miraculously Mary gave birth to Jesus. their ability to create, "give birth to poetry", is the miracle of the similar sort. The present article deals with the peculiarities of Mother Mary image interpretation by individual poets. Furthermore, the author is trying to define its place in imaginal field of poetry in general, and also trying to find out the specifics of the features that poets give to this image. Besides, artistic qualities and importance of metaphors, tropes and stylistic figures used in poetization of Mother Mary have been analyzed.

Key words: Mother Mary, Jesus, classical Turkish poetry, artistic imagery.

УДК 82.271

Юлия Белова

ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ И МИДДЛ-ЛИТЕРАТУРА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ КРИТИКОВ

В статье рассматривается специфика миддл-литературы как часть художественной системы, одним из ярких представителей которой является Евгений Гришковец. Для раскрытия термина «миддл-литература» используется определение С. Чуприна. Автор публикации анализирует характерные черты миддл-словесности. Рассматривается проза Е. Гришкова в контексте миддл-литературы и акцентируется их сопоставление. Анализируются критические статьи современников о художественной прозе Е. Гришкова, выдержки из его собственных интервью; делается вывод об успешном использовании писателем рамок миддл-арта для создания собственных, непохожих ни на что, литературных произведений.

Ключевые слова: миддл-литература, критика, восприятие, творчество, художественное пространство.

Объектом данного исследования является творчество Евгения Гришкова в контексте миддл-литературы в критической оценке современников. Наш анализ базируется на основных исследованиях С. Чуприна Н.Н. Валуевой [13; 14], Г. Циплакова [11], М.А. Черняк [12], А.Ю. Мережинской [7], которые освещали проблематику миддл-литературы в своих научных трудах. **Цель** статьи — определить влияние миддл-литературы на творчество Е. Гришкова через призму оценки современных литературных критиков. Задания, которые выполняются в нашем исследовании, — рассмотреть специфику миддл-литературы, сопоставить её с творчеством Е. Гришкова, проанализировать мнения литературных критиков и сделать выводы о влиянии художественного пространства миддл-арта на прозу писателя.

Миддл-литература наполнена философско-риторическими вопросами, интеллектуализацией текстов, художественным экспериментом, которые зачастую основываются на общепринятых моральных ценностях и авторском отношении к ним. Подобное сочетание открывает перспективные горизонты для данного литературного направления, в чем усматривается **актуальность** нашего литературного исследования. Особенность текстов определяется типом конфликта, определенной моделью поведения героя, спецификой передачи переходного времени. Перечисленные характерные черты позволяют говорить о миддл-литературе как о художественной системе. По определению С. Чуприна, миддл-литература является «*типом словесности, стратификационно располагающимся между высокой, элитарной и массовой, развлекательной*

литературами, порожденная их динамичным взаимодействием и по сути снимающая извечную оппозицию между ними» [13]. Критик утверждает, что к данному типу можно отнести как произведения «неглубокого» смысла высокой литературы, так и качественную беллетристику, предназначенную для широких масс.

К основным характеристикам миддл-словесности относят высокий профессионализм художественного изложения, акцент на коммуникативной направленности текста, ориентация на эрудированную офисную интеллигенцию с хорошим литературным вкусом, предпочтение остроты сюжета скрытому смыслу произведения, пренебрежение каноном классического изложения повествования в угоду упрощенному и понятному для современного человека языку [14].

Яркими представителями когорты миддл-литераторов — прозаиков, которые творят для среднего класса, — являются Людмила Улицкая, Виктор Пелевин, Михаил Веллер, Борис Акунин, Сергей Минаев, Владимир Сорокин, Евгений Гришковец и другие.

Сопоставление прозы Е. Гришковца с «миддл-литературой» кажется естественным с точки зрения его «срединной» позиции между элитарной и массовой словесностью, когда автор пытается, с одной стороны, оправдать ожидания читателя, заручиться его поддержкой, а с другой — иронизирует над его доверчивостью, не теряя при этом связи между нарратором и читателем, акцентируя отношение к собственным персонажам и событиям, лежащим в основе художественного сюжета. В своем исследовании мы руководствуемся трудами С. Чупринина, Г. Циплакова, С. Ефросинина, Е. Гришковца и др.

Критики миддл-литературы говорят о Гришковце как о писателе «душевном и искреннем», «новаторе», который создает приторно-идеальный образ своего героя — «велеречивого, как Сократ, парадоксального, как Оскар Уайльд, дидактичного и страстного, как Ницше и Заратустра». Его восхождение в миддл-искусстве идет по такому же сценарию. Он «не лезет напролом, как наступающий семимильными шагами Акунин. И не шокирует, как Сорокин», произведения которого пропитаны омерзением ко всему в культуре, на чем лежит печать «советского тоталитаризма».

Гришковец всегда вежлив и интеллигентен, даже к врагам обращается на «вы», его излюбленное амплуа — «всепобеждающий ботаник-провинциал», «русский Вуди Аллен». Подобная подача себя помогает формированию индивидуально-авторской концепции, в которой повествование может вестись как от первого, так и от третьего лица, но за образом автора всегда стоит Гришковец. И лишь читательское восприятие является главным критерием оценки его

творчества, ведь равнодушным писатель не оставляет никого: у каждого, кто знакомится с его текстами, написанное вызывает адекватную и честную эмоцию: у одних просто смех, а у других — искренние слезы.

Гришковец зачастую изображает городскую будничность и прохладную повседневность экспрессивно-концентрированной. Его стихия — «Заповедник Грез», в котором автор бережно хранит все человеческие эмоции. В его пьесах и прозе можно столкнуться с миллионом условностей, ритуалов и канонов, авторским «Я», которые превагируют над жесткой несправедливостью мира.

В одном из своих интервью Гришковец искренне сетует о «страшной, изнурительной писательской работе, когда тебе не хватает скорости записывания, текст сочится через ручку очень медленно, а там в это время шевелятся мозги... То есть буквально не хватает скорости, и нужно еще удерживать объемы, чтобы они не ушли, не стерлись, не завис внутренний компьютер и так далее». Поэтому писательская техника Гришковца, в большинстве своем, направлена на преодоление этой «страшной» письменной работы: зря, что ли, он столько лет и так блистательно работает в устной словесности — своем ни на что не похожем театре. При этом авторская проза — всегда конкретна и изобразительна, а манера подачи подчинена желанию урвать «кусочек жизни» в его ежедневной честности [2, 5].

Герой Гришковца не хочет никого обидеть или поставить в неудобное положение, он — против открытого конфликта, поэтому пытается договориться, чтобы всем стало хорошо. Его по-детски забавляет процесс овладения правилами и их появление. Нередко Гришковец сознательно эксплуатирует образ детского провинциального опыта для демонстрации процесса включения во взрослую жизнь. Отличительный знак Гришковца — он не страшится и не стесняется признаться в «очевидном открытии», для него истинно существует только испытанное, а не просто познанное.

Гришковец любит изображать взросление, становление, духовный рост своих персонажей, их стремление к самопознанию и саморазвитию.

Именно такие ценности вносит Гришковец в современную миддл-литературу. Его присутствие дарит шанс на позитивное восприятие окружающей действительности. Для него стакан всегда «наполовину полон». Герой Гришковца никогда не теряет надежды и всегда уверен в собственных целях.

Гришковец как писатель — каждый раз другой, его произведения не похожи друг на друга: роман «Асфальт» соткан переплетением сюжета сиюминутного со вспышками-воспоминаниями из прошлого, повесть «Рубашка» имеет скрупулезно созданный сюжет и открытый финал.

«Реки» — что-то среднее между повестью, эссе, мемуарами, поэмой и прозой, а открытым является не только финал, но и начало, и кульминация. Что касается «малой прозы» автора — рассказов, то они тоже очень разные: это и лирические монологи героя-автора («Другие»), и новеллы, граничащие с притчей («Погребение ангела»), и анекдотические зарисовки («Лечебная сила сна»), и психологические зарисовки с тщательным погружением в глубины души («Планка»).

В статье В. Елистратова «Между «!!!!!!!» и стариком Хэмом» [4] автор анализирует роман Е. Гришковца «Рубашка» как один из центральных текстов 2004 года: это «симптом (примета, показатель, знак, диагноз) <...> не только литературного процесса, но и всей палитры культурно-языковых процессов в целом». И касается это главным образом отношений устной и письменной речи, так как театральный, точнее «звучащий Гришковец — это, безусловно, феномен». В романе «нет интриги, сюжета и композиции <...> словарный фонд небольшой». А в прозе «сложнейшие отношения между звучащей и письменной речью <...> Гришковец смело разрубил, как Гордиев узел, пунктуационными импровизациями».

А. Урицкий в статье «Человеческие приключения» [10] акцентирует внимание на том, что роман «Рубашка» «напрямую связан с пьесами Гришковца», только то, что «в пьесах было дано концентрированно, сжато и емко, в романе разбавлено и ослаблено, преобразовано в комфортное чтение». Автор не может определиться с жанровой принадлежностью произведения «Реки», так как «это жанр особый, называется Гришковец: вид особого эмоционального, напряженно—монологического повествования о жизни». Вместе с тем, автор считает, что «Реки» — шаг вперед прозаика Евгения Гришковца, несомненное достижение».

Марина Абашева, автор статьи «С чего начинается родина» [1] подмечает, что Е. Гришковец «уже несколько лет держит внимание зрителя и читателя только собственной искренностью». Репрезентируя литературное творение Гришковца «Реки», автор полагает, что «главное — подлинность и теплота интонации, эффект устной, спонтанной речи с ее повторами, взволнованностью, запинками, с вовсе не богатой лексикой». Так же исследовательница выделяет художественное отличие произведения автора от шедевров современной литературы, считая, что «Гришковец ... неукоснительно располагает вдали от ее [литературы] опыта, исходя только из опыта собственного, продираясь сквозь обступающий шум современности, пелену дежурных эмоций, защитную оболочку усталой иронии». В представленном произведении выделяется базисный элемент — главный герой, который выходит на первый план, из этого следует, что литературный

труд «Реки» интерпретируется как «апофатическое обретение “человеком без свойств” самого себя, самоидентификация как проживание очень интимных, по преимуществу детских впечатлений».

Проведенный М. Абашевой анализ приводит автора к выводу, что «проза Гришковца простодушна и соразмерна человеку современному и повседневному, в ней нет глубинных мифологем, сложных культурных аллюзий, изоциренных повествовательных экспериментов» [1].

В статье «Речевой образ города и горожанина» [15] К. Шукиной рассматриваются термины «миддл-литература» и «офисный интеллект», где роль реципиента принадлежит авторам, в том числе и Е. Гришковцу, обозначая, что «реальность не предстает как нечто конкретное», так как автор «из истории убирает признаки места и эпохи <...> и объектом его исследования становится не столько город, сколько время нашей жизни». А «Благодаря <...> формам 2-го лица заставляет читателя почувствовать себя непосредственным участником описываемой ситуации <...>, и происходящее с героем Гришковца естественным образом накладывается на каждого прочитавшего текст и соотносится с его жизненным опытом. Происходит включение читателя в текст» [15]. Из чего следует, что «смена фокуса» и «взгляд изнутри» характеризуют смысл созидательных поисков Е. Гришковца через литературное произведение.

С. Ефросининов в статье «Актуальное одиночество Евгения Гришковца» [5] анализирует прозаические тексты Е. Гришковца через восприятие реципиента: «зритель Гришковца, становясь его читателем, постоянно помнит его артистическую интонацию», тем более что «слушая речь Гришковца, поневоле сам начинаешь ловить себя на искушении говорить и думать о предметах именно так, как делает это он» [5]. Автор концентрирует внимание на авторско-литературной манере Гришковца, который «не ставит четких границ между действительностью художественной и реальной, <...> точно схватывает неуловимые мелочи повседневности, <...> невероятно остроумно переосмысливает всем знакомые модели поведения, <...> стремится к поиску тех условий, в которых человек может наиболее ярко ощутить, почувствовать действительность текущего момента» [5]. Герои Е. Гришковца «одиноки, но мимолетно, временно одиноки», писатель «не претендует на место в ряду «серьезных» писателей», а пытается «запечатлеть жизнь так, как она есть», и рамки аналогичного искусства жестко ограничены: «оно по-настоящему функционирует, пока живы современники художника, для которых естественен и понятен его язык» [5].

Анализ статьи М. Ратгауз «Евгений Гришковец. Рубашка» [8] позволяет сделать

вывод об эгоцентричном художественном мире Е. Гришковца: «Он постоянно находит и описывает в других самого себя <...> но фиксируя сходство, он не замечает различий» [8].

О. Маслова в статье «Роман о любви сегодня. Новый взгляд или вечное возвращение» [6] интерпретирует литературное произведение Е. Гришковца как «наивный реализм», которое сформировано на тривиальном описании «сложных» вещей и ситуаций, в этом «заключается очарование его прозы», заполненной «в какой-то степени мифологизированными» пространственно-временными рамками [6].

В статье «Рассыпанная мозаика. Рассказ в прозе тридцатилетних» [9] Р. Сенчин пробует раскрыть общие границы для писателей одной генерации, среди которых значительное место занимает Е. Гришковец. Теоретик приходит к выводам о том, что в творениях писателей представленного периода «сложно отыскать наличие развернутой системы образов—персонажей и сложную композицию, дающую ряд событий и эпизодов, <...> и эпическую интонацию». Базисом творческого вдохновения авторов Р. Сенчин полагает «автобиографический материал», следовательно, «стремление писать честно не позволяет этим прозаикам далеко отходить от пережитого ими самими, отдаться воле воображения, вымыслу». Исследователь выделяет

Гришковца среди плеяды писателей—постмодернистов из-за его способности передавать «типичнейшего человека нашего времени, улавливать его язык, интересы и проблемы, показывать его тяжелую, проносающуюся в бешеном ритме, но, по сути, пустую и бессобытийную жизнь. И его тоску по чему-то настоящему — по любви, по подвигу, по дружбе» [9].

Таким образом, пространство миддл-арта, направленного, в первую очередь, на разрешение острых социальных противоречий, царящих в современном обществе, явилось плодотворной почвой для творчества Евгения Гришковца. Неоднозначность во всем — от определения жанра произведений до оценок критиков — в этом заключается его авторский парадокс. Слово Гришковца функционирует не по канонам литературы, а по простым законам жизни. Литературный контекст традиционно базируется на предопределенной готовности читателя: избранная тема не нуждается в постоянном напоминании. Гришковец действует по-другому: для него существенным является стремление не только донести до читателя то, что он подразумевает, но и, прежде всего, — акцентировать принципиальную разницу между собственным видением проблемы и существующей точкой зрения.

ИСТОЧНИКИ

1. Абашева М. С чего начинается родина. Рецензия на книгу (Евгений Гришковец. Реки) [Электронный ресурс] / М. Абашева // Знамя. — 2006. — № 4. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/4/aba22.html>
2. Гришковец Е. Планка: рассказы / Е. Гришковец. — Москва : Махаон, 2006. — 288 с.
3. Валуева Н.Н. «Миддл-литература» как составляющая современного литературного процесса / Н.Н. Валуева // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. — Серія: Літературознавство. — 2012. — Вип. 1(1). — С. 28–34.
4. Елистратов В. Между “!!!!!!!” и стариком Хэмом (Евгений Гришковец. Рубашка) [Электронный ресурс] / В. Елистратов // Знамя. — 2005 — № 2. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/2/eli19.html>
5. Ефросинин С. Актуальное одиночество Евгения Гришковца [Электронный ресурс] / С. Ефросинин // Новый мир. — 2006. — № 11. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/11/ef12.html
6. Маслова О. Роман о любви сегодня. Новый взгляд или вечное возвращение [Электронный ресурс] / О. Маслова // Континент. — 2007. — № 133. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/81/continent/2007/133/ma14.html>
7. Мережинская А. Ю. Художественная специфика русской «миддл-литературы» (на материале прозы 2000-х гг.) / А.Ю. Мережинская // Русская литература. Исследования : сб. науч. тр. — 2008. — Вип. XII. — С. 1—21.
8. Ратгауз М. Евгений Гришковец. Рубашка [Электронный ресурс] / М. Ратгауз // Критическая Масса. — 2004. — № 2. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2004/2/ra28.html>
9. Сенчин Р. Рассыпанная мозаика. Рассказ в прозе тридцатилетних [Электронный ресурс] / Р. Сенчин // Континент. — 2006. — № 130. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/81/continent/2006/130/se26.html>
10. Урицкий А. Человеческие приключения. Тройная рецензия [Электронный ресурс] / А. Урицкий // Дружба народов. — 2005. — № 7. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/7/uri16.html>

11. Циплаков Г. Битва за гору Миддл [Электронный ресурс] / Г. Циплаков // Знамя. — 2006. — № 8. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/cy11.html>
12. Черняк М.А. Милд-литература в контексте современного литературного процесса: Массовая литература XX века. Учебное пособие / М.А. Черняк. — М. : Флинта, 2007. — С. 171–186.
13. Чупринин С. Звоном щита [Электронный ресурс] / С. Чупринин // Знамя. — 2004. — № 11. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/11/chu13.html>
14. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям / С. Чупринин. — М. : Время, 2007. — 920 с.
15. Шукина К. Речевой образ города и горожанина (на материале малой прозы А. Кабакова и Е. Гришковца) / К. Шукина // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. — Волгоград, 2007. — С. 369–374.

Белова Юлія Сергіївна

ЄВГЕН ГРИШКОВЕЦЬ ТА МІДДЛ-ЛИТЕРАТУРА ЗА ОЦІНКАМИ СУЧАСНИХ КРИТИКІВ

У статті розглядається специфіка міддл-літератури як частина художньої системи, одним з яскравих представників якої є Євген Грішковець. Для розкриття терміну «міддл-література» використовується визначення С. Чуприніна. Автор публікації аналізує характерні риси міддл-словесності. Розглядається проза Є. Грішковця в контексті міддл-літератури та акцентується їх зіставлення. Аналізуються критичні статті сучасників про художню прозу Є. Грішковця, уривки з його власних інтерв'ю; робиться висновок щодо успішного використання письменником простору міддл-арта для створення власних, несхожих ні на що літературних творів.

Ключові слова: міддл-література, критика, сприйняття, творчість, художній простір.

Yulia Serhiivna Belova

YEVGENI GRISHKOVETZ AND MIDDLE-LITERATURE IN THE POINT OF VIEW OF MODERN CRITICS

The article deals with specificity of middle-literature as part of artistic system, one of the brightest representatives of which is Yevgeni Grishkovetz. S. Chuprinin's definition is used to disclose the term of "middle-literature". The paper's author analyzes the characteristics of middle-literature. Y. Grishkovetz's prose in the context of middle-literature is considered and their comparison is emphasized. The contemporary critiques on Y. Grishkovetz's fictional prose and fragments from his own interview are analyzed; the conclusion about the writer's successful usage of space of middle-art for creating his own, not similar to another literary works is made.

Key words: middle-literature, criticism, perception, creativity, art space.